

УДК 821.0(47+57)

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ Б. САНЖИНА «ПУТЬ ПРАВЕДНЫЙ»

© Серебрякова Зоя Александровна

доктор филологических наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

E-mail: serebryakovaza@mail.ru

В статье анализируется система образов романа бурятского писателя Б. Санжина «Путь праведный», сюжет которого связан с походом хоринцев, одного из бурятских племен, к Петру I, его причинах и последствиях. Место этого произведения в бурятской романистике, обусловлено, прежде всего, новизной темы. В романе доминируют две идеи. Первая из них состоит в констатации трудностей бытия относительно малочисленного племени среди более сильных соседей, в отсутствие четкой государственной границы. Вторая идея претендует на то, чтобы быть лейтмотивом повествования и заключается в следующем: судьба человека неотрывна от судьбы его родного народа. Действие связано с главной проблемой романа – вектором дальнейшего развития бурятского этноса. Автор поляризует персонажей в соответствии с собственной позицией: положительные выступают за союз с Россией, отрицательные склонны искать покровительства среди восточных владык. Анализ основных персонажей романа позволяет сделать вывод о том, что романисту в целом удалось передать динамику событий, показать отдельные образы в развитии и, более того, через призму их сознания и перипетии судьбы охарактеризовать историческую ситуацию. К сожалению, вторая идея романа о неразрывности судеб человека и народа не получила достаточно убедительного воплощения.

Ключевые слова: образ, идея, сюжет, проблема, фабула, история, литература, бурятский роман, герой, персонаж.

Особенностями романного мышления являются глубина художественного анализа действительности, единство конкретности и обобщенности, детализации и масштабности; наконец, этот жанр дает наибольшие возможности для основательного исследования человека во всем богатстве проявлений его индивидуальности и многообразии социальных связей. Непростая ситуация с интерпретацией дореволюционного прошлого в советскую эпоху не помешала бурятским романистам уже в первых произведениях этого жанра выражать собственные оценки или, по крайней мере, стремиться к этому. Одним из них был автор романа «Путь праведный» («Заяанай зам», 1963) Б. Санжин.

В период создания этого произведения в отечественной литературе заметно усиливается субъективное начало. В бурятской литературе эта тенденция «была связана и с проблемой национальной самобытности, ценностных критериев в национальном художественном опыте» [2, с. 59].

Воссоздавая реалии прошлого, писатели стали проявлять интерес к конкретике социально-исторических обстоятельств, стремясь передать атмосферу и дух народной жизни, «диалектику души» героев.

Сюжет романа «Путь праведный» связан с важным событием в истории народа – походом хоринцев, одного из бурятских племен, к Петру I в 1702-1703 гг. Место этого произведения в бурятской романистике 1960-80-х гг., когда он публиковался по частям и в целом на русском и бурятском языках в Улан-Удэ и Москве, обусловлено, прежде всего, новизной темы. Другое произведение об описываемом в нем событии – драма Б. Барадина «Великая сестрица шаманка» – было в то время незнакомо широкой аудитории.

В романе доминируют две идеи. Одна из них выражена более отчетливо и ее воплощению посвящено много места: это констатация трудностей бытия относительно малочисленного племени среди более сильных соседей, в отсутствие четкой государственной границы, страдающего от нападений пришлых и местных разбойников, произвола властей. С первых страниц подробно, с неоднократными повторами, описывается объективная историческая ситуация, конкретизированная в диалогах, воспоминаниях и размышлениях персонажей.

Вторая идея претендует на то, чтобы быть лейтмотивом повествования и заключается в следующем: судьба человека неотрывна от судьбы его родного народа (под народом в соответствии с контекстом романа чаще всего имеется в виду племя хори).

В романе создан ряд ярких образов-характеров, которые раскрываются не только через повседневную деятельность и подробности быта – автор стремится показать суть личности, ее отношение к окружающим, что позволяет говорить о системе образов данного произведения.

Действие связано с главной проблемой, вынесенной в название романа – вектором дальнейшего развития бурятского этноса, стоящего в описываемый период на перепутье, перед насущной необходимостью защиты от произвола внутренних и внешних недругов и обеспечения более надежного будущего. Автор поляризует персонажей в соответствии с собственной позицией: положительные выступают за союз с Россией, отрицательные склонны искать покровительства среди восточных владык. К первой группе принадлежат воевода Федор Головин, граф Савва Рагузинский, глава хоринцев Туракай и его старший сын Бадан, а также несколько персонажей второго плана (Абжа, Тэхэ, Мунко, Булавин и др.). Противоположный лагерь представлен Шоно, Окином, Мархой и др.

В силу того, что образы реальных исторических деятелей достаточно схематичны, мы остановимся на персонажах, занимающих более значимое место в развитии сюжета и системе образов произведения.

Цель жизни Туракая – благополучие племени, которое уважает и почитает его. С этим образом более всего ассоциируется вторая идея романа, т.к. подчеркивается его дальновидность, умудренность, хотя психологи-

ческой проработки ему недостает: он больше изрекает, нежели размышляет. Участники похода в Москву, по его мнению, выполняют поручение народа и должны оправдать его доверие. В том, что после похода положение улучшилось, есть заслуга и Туракая. Он – последовательный сторонник добрососедских отношений с другими народами.

Более развернут и многогранен образ Бадана. Он задумывался как героический образ, и действительно нередко проявляет смелость, решительность, а также мудрость и целеустремленность. Авторы «Истории бурятской литературы» не случайно отмечают, что в этом образе «особенно подчеркнуто героическое начало» [3, с. 27].

Бадан – наиболее противоречивый персонаж романа. Он то соглашается с отцом, то сомневается в его правоте. Непонятно почему бросает в опасности близ логова разбойников свою невесту Залму, а по прошествии довольно длительного времени уезжает в Москву, оставляя ее в плену и не слишком мучаясь угрызениями совести. Поступающий таким образом мужчина не соответствует облику «богатыря-батора из улигера», с которым его сравнивает писатель [4, с. 46]. Б. Санжин пытается показать жалостливость героя, но почему-то Бадан жалостлив к своим лютым врагам Шоно и Окину. Тем не менее, в конце романа он показан как зрелый и заботливый предводитель сородичей.

Лирическая линия «Бадан – Залма» малоубедительна. Бадан неоправданно холоден с невестой при встрече делегации, вернувшейся из столицы, равнодушно и, более того, пренебрежительно говорит с нею даже в день их долгожданной свадьбы, хотя осознает, что именно он – виновник всех ее бед. Образ Залмы, при всей лаконичности показа ее духовного мира, динамичен. После освобождения в ее характере появились новые черты: сдержанность, стремление к уединению, старание помочь нуждающимся. Порой она сомневается в любви Бадана. Но стойкость и сила духа Залмы, внушавшие уважение даже удерживающим ее в плену разбойникам, остались прежними. Слабость лирической линии обедняет и этот образ. Следует согласиться с мнением о том, что наиболее существенным недостатком романа является «неглубокое раскрытие авторами внутреннего мира героев», особенно Бадана и Залмы; то, что часто их чувства «декларируются писателями или иллюстрируются поверхностными фактами» [3, с. 28].

Говоря об образе главной героини, необходимо отметить, что автор сумел емко воссоздать приниженное положение женщины. Жена никогда не называет мужа на «ты» и по имени, т. к. это считается грехом. Девочка с колыбели предназначена в качестве второй жены старому шаману. Девушка, боясь осуждения, не смеет, даже с важной вестью, поехать к жениху. При случайной встрече с братом Бадана на ее вопрос о женихе, тот грубит Залме, но это не огорчает ее: «Зато теперь она знает, что Бадан жив и здоров, где он и что делает» [4, с. 132]. В коротком эпизоде с батрачкой Бадухой читатель понимает, сколь бесприсветно ее существование: ее обижают, гонят, издеваются только из-за низкого социального статуса.

При создании образов соратников Туракая и Бадана чаще всего описывается их поведение, но почти не раскрывается состояние души, они слабо индивидуализированы. Их объединяет забота о судьбе народа и высокие нравственные качества. Зайсан (младший административный чин) Тасха Бодороев, первым предложивший ехать к царю в Москву, хотя порой и выполняет важные функции, остается одним из персонажей, составляющих фон повествования и заслужившим лишь мелькнувшую у Туракая мысль о своем уме, скупое портретное описание и несколько коротких высказываний. При этом допущена путаница его возрасте: то он парень, то человек лет сорока, то пожилой. Между тем потенциал для развертывания этого проходного персонажа до уровня полноценного героя был, тем более что автор, правда, голословно, называет его большим другом Бадана. Столь же невыразительны образы Шодо и Хурьгана, хотя с ними сопряжены несколько важных элементов фабулы.

Образ шаманки Абжи схематичен: по отдельным деталям можно предположить, что она внушает окружающим уважение, умная и дельная советчица и хранительница участников похода в Москву, мужественная и стойкая в испытаниях. Несмотря на молодость, ее зовут матушкой. Но в слишком скупых описаниях отмечаются лишь ее красота, способность предвидения и вдохновение при исполнении обрядов.

В едва намеченном образе возчика Тэхэ фиксируются его отдельные действия: он призывает земляков не сдаваться разбойникам; старательно учится пахать; в поездках тревожится о семье; его выбирают одним из распорядителей облавной охоты. Можно догадаться, что это надежный друг: ведь именно ему и Булавину Бадан поручает спасти из плена Залму, и они справляются с этим, но Тэхэ гибнет.

Народному музыканту Мунко выпала поистине героическая роль: он в течение некоторого времени – единственное связующее звено между Баданом и Залмой, томящейся в плену. Мунко с риском для жизни помогает ей в неволе, дважды пытается вызволить. Однако его мотивы непонятны, только по реакции Бадана после первого побега Мунко из плена можно предположить, что они каким-то образом знакомы. Облик Мунко, как и Тэхэ, не конкретизирован. Судя по поступкам, они смелые, добрые, отзывчивые, справедливые. Этим персонажам, особенно Мунко, очевидно, отводится роль резонеров. Эти герои время от времени произносят многозначительные фразы, которые на деле – всего лишь пустой звук. Так, самонадеянно, в силу статуса Мунко, звучит его обещание Залме поднять всю степь для ее спасения [4, с. 37].

Персонажи романы – представители разных народов. Автору удалось показать, что казак Василий Булавин – верный друг Бадана, искренний, честный, самоотверженный, щедрый. Он не испытывает предубеждения к иноверцам, дружит с ними, интересуется их культурой, а в конце романа свободно говорит по-бурятски. Дьяк Сергей Болотников «для бурят вроде родного» [4, с. 210]. Немногочисленные эпизоды позволяют читателю

убедиться, что лекарь Михайла всегда помогает бурятам, казак Семен Гривцов спасает одного из них, что есть казаки, доброжелательные к ино-родцам.

Вторая идея романа – о неразрывности судеб человека и народа – ускользает из поля зрения автора, вытесняемая бытовыми деталями и нагнетанием подробностей, живописующих пороки отрицательных персонажей. Она просматривается лишь в нескольких эпизодах. При последнем прощании с Абжой ее спутникам вдруг открылась ее любовь к родине и народу. Тяжело больной Туракай говорит, что всего себя отдал людям и наказывает Бадану заботиться о родичах. Одна деталь вносит диссонанс в этот идеализированный образ и не способствует воплощению указанной идеи: среди опасностей и бед, которым подвергаются его соплеменники, Туракай устроил для себя и своей семьи укромное и безопасное место, о котором знают лишь самые близкие [4, с. 79].

Романисту в целом удалось передать динамику событий и показать отдельные образы в развитии: читатель убеждается, что сознание бурят постепенно меняется, они осваивают земледелие, набирают опыт взаимодействия с иноплеменниками. Показано и то, как противятся переменам несогласные с Туракаем в вопросе о выборе путей дальнейшего развития хоринцы.

Все основные отрицательные персонажи жаждут власти и богатства. Среди них злобный, трусливый конокрад Шоно, не раз предававший своих и чужих. Как подручный Овчинникова он обирает земляков; приносит им беды, сотрудничая с маньчжурами. Из корысти окрестившись, он вновь неоднократно принимал крещение, получая за это плату, а также прощение совершенных преступлений. Сговорившись с ламой Гончок-Жамцо, Шоно крадет лошадей, а тот, якобы благодаря ясновидению, их находит, а подношения от владельцев они делят. Мотивация поступков Шоно выглядит неубедительно: он, отвергнутый Залмой, завидует Бадану и якобы из мести ему совершает все свои злодеяния.

Хитры и вероломны непримиримые противники союза с Россией Марха и Окин. Зайсан Окин вместе с маньчжурскими разбойниками пытается разгромить Туракаю и прогнать русских, он отправляет в его стан отравителя. Вместе с Мархой он распускает дикие клеветнические выдумки о Бадане. Окин чванлив перед сородичами и пресмыкается перед вышестоящими. Уговорив часть соплеменников бежать всем улусом в Монголию, он в пути грабит их и доносит об их бегстве властям. Его низость пугает даже некоторых прежних подручных, которые отдаляются от него. Но даже Окин признает необходимость и пользу знания русского языка.

Богач Марха тоже завидует Туракаю, ненавидит, клеветает на него и вместе с Окином наносит немало вреда ему и его соратникам. Несмотря на честолюбие и алчность, уже нажитое богатство ему как будто ни к чему: он живет в обычной юрте, хозяйство ведет небрежно, не любит и не причесывает гостей. Марха не скрывает своей неприязни к русским и призы-

вает сородичей уйти в Монголию. Вместе с тем автор показывает и некоторые привлекательные качества этого персонажа: он – отменный скотовод, может сразу определить, кому принадлежит лошадь, постоянно объезжает свои гурты, табуны, отары, наказывает нерадивых и отмечает хороших работников.

Систему образов романа обогащают национальные символы, придающие ему своеобразие и оригинальность. Мунко поет о красоте Селенги. Все участники дальнего похода берут с собой горсть родной земли. Возвращающийся из дальней поездки Бадан видит «бесконечно дорогую, милую сердцу степь... В солнечном, безоблачном небе тихо парят ястребы. Где-то далеко слышится крик диких гусей. Из травы взлетают вверх стремительные жаворонки, словно купаются в густых волнах воздуха. Желто-серые суслики вылезают из своих нор, устраиваются на задних лапках, посвистывают. А когда путь проходит берегом тихого, уединенного озера, слышен вдруг крик лебедя, чистый, как звон серебра» [4, с. 121].

Автор со знанием дела воспроизводит традиции, обычаи и обряды, отмечающие важные вехи в жизни героев: проведение тайлагана, облавной охоты, народных праздников. Эмоционально воссоздано празднование прихода весны с состязаниями силачей, скачками, песнями и т.д. Показано, как перед дальней дорогой проводят обряд жертвоприношения покровителю похода, и все жертвуют ценности его участникам. Любопытны примеры реализации обычного права у бурят. В картинах степной жизни ощущаются ритмы труда. Описываются традиционные виды хозяйственной деятельности и уклада жизни. Одно из них – в начале второй книги. «Покой над степью, сытая умиротворенность. Кочевники-буряты любят спокойные, солнечные осенние дни; скот откормился на тучных лугах, почти каждый хозяин наготовил на зиму сколько надо масла, арсы, сметана бережется в прохладном месте, у заботливого-то все запасено, прибережено, хватит на долгие морозные месяцы». Об этом времени сказано: «Хорошая пора, ее в улусах называют «жара желтых листьев» или «бабье жаркое время». Далее раскрывается, каким хлопотным оно бывает для бурятских женщин [4, с. 126].

Применительно к бурятской литературе 1970-х гг. С. С. Имихелова отмечает, возвращение «прежних, позабытых символов *своего*, национального мира: горы, юрта, синий купол неба, пространство степи, скачущие кони, наполняющие ее травы ая-ганга, сарана, багульник – эти традиционные национальные метафоры становятся символом дома и уюта. Они-то выступают средством бегства от перенаселенности, городской обезличенности в *свой* мир как модель микрокосма: степь – небо, юрта – космос (Тэнгри), солнце – очаг [1, с. 11-12]. Как видим, ранней бурятской романистике удавалось предвосхищать отмеченную С. С. Имихеловой тенденцию.

События, описываемые в романе, происходят на значительном пространстве от южного Китая до Москвы и касаются судеб нескольких го-

сударств и многих народов. Чувствуется понимание автором исторической роли этих событий. Однако ему недостает эпического размаха, цельности, и произведение распадается на отдельные фрагменты, отягощено длинными, скрупулезно фиксирующими бытовые подробности описаниями. При этом не ощущается дифференциации ключевых и случайных эпизодов: почти все они не по-романному скучны. То же относится к интерпретации главных героев и массы необязательных, зачастую, лишних персонажей. Во второй части романа Туракай и Залма становятся эпизодическими персонажами, а Бадан почти теряется среди второстепенных действующих лиц и связанных с ними ответвлений фабулы. Особенно неубедительна и, вероятно, поэтому необоснованно лаконична часть текста, посвященная самому походу.

Тем не менее, есть все основания говорить о системе образов романа «Путь праведный». Многие из происходящих в нем событий показаны через призму сознания конкретного человека, что позволило автору воссоздать затерявшиеся в глубине веков важные события истории бурятского этноса и художественно осмыслить деятельность реальных исторических лиц.

Литература

1. Имixelова С. С. Концепт *национальное* в бурятской русскоязычной литературе // Концепты в литературе Бурятии транзитивного периода: кол. монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. С. 9-18.
2. Имixelова С. С. Поэзия национального бытия: о литературе и театре Бурятии: рецензии и статьи 1980-2010 гг. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 234 с.
3. История бурятской литературы. Т. 3. Современная бурятская литература (1956-1995). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 298 с.
4. Санжин Б. С. Путь праведный. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. 272 с.
5. Серебряков А.С. Слово об истоках праведного пути. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 3-10.

References

1. Imikhelova S. S. *Contsept national'noye v buryatskoi russkoyazychnoi literature* [National concept in Buryat Russian-language literature]. *Kontsepty v literature Buryatii transitivnogo perioda: kollekt. monografija. – Concepts in Buryat literature of transitional period.* Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2011. Pp. 9-18.
2. Imikhelova S. S. *Poeziya national'nogo bytia: o literature i teatre Buryatii: retsenzii i stat'i 1980-2010 gg.* [Poetry of national life: literature and theater Buryatia: reviews and articles 1980-2010]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2010. 234 p.
3. *Istoriya buryatskoi literatury. T. III: Sovremennaya buryatskaya literature* (1956-1995) [History of Buryat literature.V. III: Modern Buryat literature (1956-1995)]. Ulan-Ude: SB RAS BSC Publ., 1997. 298 p.
4. Sanzhin B.S. *Put' pravednyi* [Righteous way]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1986. 272 p.
5. Serebryakov A.S. *Slovo ob istokah pravednogo puti* [Word about the origins of the righteous way]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1986. Pp. 3-10.

The SYSTEM of CHARACTERS in the NOVEL by B. SANZHIN
«The RIGHTEOUS WAY»

Zoya A. Serebryakova

DSc, A/Professor

Earst-Siberian State Institute of Culture

1 Tereshkovo St., Ulan-Ude, 670031 Russia

The article analyses the system of characters in the novel by the Buryat writer B. Sanzhin «The righteous way». The plot of the novel is connected with the campaign of Khory, one of the Buryat tribes, to Peter I, its causes and consequences. The position of this work in the Buryat literature is conditioned by the novelty of the theme. There are two dominant ideas in the novel. The first one consists in stating the difficulties of being related to the tribe not numerous amongst powerful neighbors in the absence of the distinct state borders. The second idea pretends to be the leading idea of the narration and consists in the following: the person's fate is indissoluble from own people's fate. The action is connected with the main problem of the novel: the vector of the further progress of the Buryat people. The author polarizes the characters in accordance with his own attitude: the positive ones are for the union with Russia, the negative ones are disposed to seek protection from the Eastern sovereigns. The analysis of the main characters in the novel permits to conclude that the novelist succeeded in reproducing the dynamics of events, conveying the separate, individual images in the development and moreover the troubles of the fate in the prism of their conscience, describing the historical situation. Unfortunately, the second idea of the novel about the indissoluble person's and own people's fate did not have sufficient and convincing embodiment.

Keywords: image, idea, plot, problem, story, the history, literature, Buryat novel, hero, character.